

Чанькунь Чжуоюй взял кинжал Ли Синлуна, аккуратно срезал толстую ветвь с одного из деревьев долины и обтесал её до формы грубого, но ровного, с заострённым концом, будто созданным не для красоты, а для исполнения древнего заклинания, длинного меча. Затем он поднял деревянный меч в воздух и начал медленно водить им по дугам, выписывая в пространстве узоры боевых движений. Каждое движение было лишено излишней театральности, но в нём чувствовалась странная, почти первозданная элегантность, будто сам воздух слегка колебался, признавая силу, скрытую в этом жесте.

Заметив, что Ли Синлунь молча смотрит на него, оцепенев от недоумения, Чанькунь Чжуоюй спокойно объяснил:

— Деревья в этой долине тысячи лет питались божественной силой. Не обманывайся их обычным видом, даже будучи простыми растениями, они стали прочнее любых магических артефактов мира культивации. Их древесина способна выдержать то, что разрушило бы даже лучшие клинки прошлых времён. Этот меч не просто палка, он - проводник.

Ли Синлунь смотрел на него с нарастающим беспокойством. Он уже не знал, глуп ли этот человек до крайности или же в его безумии крылось прозрение; он боялся, что если тот действительно попытается вобрать в себя божественную силу, то его человеческая сущность не выдержит, рассыплется, как пепел в пламени, и тогда он станет не мастером, а лишь ещё одним одержимым духом, блуждающим между жизнью и смертью, как те, кого когда-то называли богами.

— Что ты собираешься делать этим деревянным мечом? — спросил он, стараясь говорить ровно, хотя в груди уже шевелилась тревога. Если у тебя есть метод культивации божественной силы... научи меня, — добавил он после паузы, сам удивляясь своим словам. Ему не хотелось этого говорить. Он был человеком мести, существом, живущим только ради того, чтобы вернуть долг крови. Как он мог думать о ком-то другом? Но, глядя на Чанькуня Чжуоюя, на его детское выражение лица, на эту смесь невежества и уверенности, он вдруг понял, что лучше это сделать ему самому. Ведь он умнее. Он сообразительнее. И если такой путь существует, он найдёт его сам, а не будет смотреть, как этот странный человек сгорит заживо, пытаясь стать тем, кем никогда не был.

— Не нужно, — ответил Чанькунь Чжуоюй, и в его голосе впервые прозвучала сталь. Деревянный меч в его руке словно стал тяжелее, холоднее, хотя это была всё та же обычная ветвь. — Только что, когда я взял его в руку, в голове возникла техника. Нужно ответить тем же ... телом вместо ци.

С этими словами он снова начал двигаться, но теперь каждое его действие было медленным, предельно чётким, словно он возвращался к чему-то очень старому, очень забытому. Он не спешил, повторяя самые простые движения: рубящий удар, прямой выпад, лёгкое касание клинком воздуха, круговое движение, горизонтальный замах, вертикальное опускание, направленный тычок. Всё это были базовые позы, с которых начинают обучение каждый юный практикующий путь меча - не боевые приёмы, а основы, фундамент, на котором строятся тысячи техник. И в каждом движении Чанькуня Чжуоюя не было ни грации, ни силы, а только неуклюжесть новичка, ошибки в балансировке, неточности в угле реза, перенапряжение мышц. Он двигался так, будто впервые держал оружие в руках.

Но Ли Синлунь не стал поправлять его. Потому что он видел, что с каждым повторением движения становились немного точнее, ошибки исчезали, будто стирались невидимой рукой. Тело Чанькуня Чжуоюя будто вспоминало ... не училось, а возвращало то, что было утеряно. Каждый следующий цикл был чуть быстрее, чуть увереннее, чуть ближе к совершенству. Это не было практикой. Это было пробуждение.

К десятому повторению его позы стали абсолютно правильными, не просто стандартными, а идеальными, как у мастера, чьё тело стало продолжением меча. А затем он перешёл к настоящему движению - не базовой стойке, а сложному, завораживающему приёму, в котором каждая часть тела, каждый миллиметр движения были синхронизированы с потоком воздуха, создавая вокруг клинка мерцающий след, будто он вырезал свет из тьмы.

Ли Синлунь никогда раньше не видел ничего подобного. Не видел ни в книгах, ни в легендах, ни в своих самых смелых мечтах. Он думал, что знает всё о мече, ведь сам был мечником. Но то, что делал сейчас Чанькунь Чжуоюй, не было боевым искусством. Это было выражение пути, как если бы сам Дао меча воплотилось в человеческом теле.

Раньше он считал Чанькуня Чжуоюя поверхностно величавым, но по сути лишь глупцом, который говорит о себе как о великой шишке, но не может даже правильно съесть фрукт. Он делал странные вещи, говорил бессмыслицы, и Ли Синлунь лишь снисходительно вздыхал. Но теперь всё изменилось. Теперь от Чанькуня Чжуоюя исходила аура убийцы ... не просто силы, но крови, давней, застывшей, как смола на древнем дереве. Воздух вокруг него потемнел, будто напитался тенью тысяч павших. И эти тени не были иллюзией. Они были реальны, как его продолжение. Ли Синлунь почувствовал, как внутри всё сжалось. Да, Чанькунь Чжуоюй постоянно твердил, что он важная персона, что у него много последователей, что мир не сможет без него обойтись, но Ли Синлунь всегда считал это бредом. Даже потеряв память, человек не меняется до неузнаваемости.

Если он был добрым - он остаётся добрым. Если был глупым - значит, был глупым всегда. Он думал, что до своей потери памяти Чанькунь Чжуоюй был затворником, отшельником, возможно, сильным мастером, но с чистым сердцем, никогда не поднимавшим меча на живого существа, человеком, чей взгляд всегда был полон сострадания. Но теперь эта картина рухнула. Перед ним стоял не мудрец. Перед ним стоял воин. Даже без ци, даже без демонстрации силы, одна лишь его аура заставляла сердце замирать, заставляла разум шептать, что этот человек убил сотни... тысячи.

Одиннадцатое движение - деревянный меч быть виден. Он превратился в призрак, в полосу света, оставляющую след в воздухе. Двенадцатое - где бы ни прошёл клинок, трава и ветви мгновенно рассекались, будто их коснулся невидимый ураган. Тринадцатое - в воздухе возникло давление, и вокруг меча начала собираться субстанция, похожая на ци, но не ци: это была божественная сила, древняя, чужая, пульсирующая, как сердце горы. Хотя внизу долины нельзя было использовать духовную энергию, здесь, в руках Чанькуня Чжуоюя, меч стал проводником, притягивая остатки божественной мощи, что ещё текли под землёй, как подземные реки.

Четырнадцатое движение - меч замедлился, но движения стали странными. Ли Синлунь видел их, но не мог понять. Он пытался запомнить траекторию ... и тут же забывал. Он хотел

повторить ,но не мог вспомнить, как именно двигалась рука.Это было не мастерство.Это было заклинание, начертанное клинком в воздухе.

Пятнадцатое - вокруг Чанькуня Чжуоюя образовалась вращающаяся сфера из воздуха и божественной силы, формируя барьер, в котором он парил, как в капсуле.Ли Синлунь, стоявший рядом, был отброшен назад, будто ударом невидимой стены, к которой не мог приблизиться, каждый шаг давался через боль, как будто он пытался войти в водоворот.

Шестнадцатое - по долине пронёсся вихрь.Все воздушные потоки, все остатки энергии были втянуты в этот хаос.Божественная сила становилась всё плотнее, всё страшнее, давя на всё живое, как гора на муравья.Существа долины, выросшие в этой силе, сумели укрыться, свернувшись в норах, прижавшись к земле.Но Ли Синлунь, чьё тело было наполнено лишь истинной энергией, да и то на уровне формирования основы, оказался на грани гибели.Он прижимался к скале, задыхаясь, внутренние органы будто сжимались, кровь пульсировала в висках, зрение темнело.Он понял, что ещё мгновение и его разорвёт изнутри на части.

Семнадцатое - Чанькунь Чжуоюй взлетел.Не прыгнул. Не использовал лёгкость тела. Он вознёсся, подхваченный потоком божественной силы, будто сама долина признала его власть.Он перевернулся в воздухе, направился к Ли Синлуню и включил его в свой защитный барьер.Давление исчезло.Ли Синлунь смог вдохнуть.И тут он понял, что его ноги больше не касаются земли.Он парил, поднятый вместе с Чанькунем Чжуоюем, заключённый в сферу, где царила иная реальность.

Восемнадцатое движение - клинок вновь прошёл рядом с ним, оставляя за собой след холода и огня одновременно.Чанькунь Чжуоюй начал новый цикл.Он снова вернулся к самому началу - к простейшему удару, к базовому расщеплению.Но теперь этот удар был силён настолько, что казалось , что был способен расцезь небо и землю, разломить горы, как сухие ветки.

На девятнадцатом ударе Чанькунь Чжуоюй, держа Ли Синлуна, резко обрушил меч на скалу.Деревянный клинок вошёл в камень с такой силой, что вонзился глубоко, оставшись там, как клин, вбитый в древнюю породу.Удар был настолько мощным, что скала затрещала, но в следующее мгновение вся накопленная энергия обратилась против самого Чанькуня Чжуоюя.Он коротко, почти беззвучно вскрикнул и, потеряв контроль, рухнул вниз.Ли Синлунь, благодаря барьеру, упал мягко, почти не пострадал.Но сам Чанькунь Чжуоюй ударился о землю с такой силой, что на мгновение показалось, что он разбился насмерть.Он лежал неподвижно, без сознания, лицо бледное, дыхание едва заметное, а вокруг него, как последний шёпот власти, ещё колебался воздух, будто сама реальность не могла решить, кто он: падший бог, безумец или спаситель.

Ли Синлунь увидел, как он падает с плотно сомкнутыми веками, и в тот же миг ощутил, как волна божественной силы, отброшенная ударом, рвётся к нему, готовая раздавить.Не раздумывая, он оттолкнулся от скалы, бросился вперёд и успел схватить Чанькуня Чжуоюя, прикрыв его своим телом, будто пытаясь стать щитом для того, кто только что спас его самого.

Но в самый последний миг, когда божественная сила уже касалась их спин, глаза Чанькуня Чжуоюя внезапно открылись.Он резко оттолкнул Ли Синлуна, сложил ладонь в форму клинка и

обрушил её вниз, точно так же, как делал это деревянным мечом. Из его руки вырвался поток энергии, чистый и ослепительный, рассекший на подходе бурлящий вал божественной силы, отбросив его в стороны и оставив на скале глубокую борозду, как след падающей звезды.

Ли Синлунь, отброшенный толчком, приземлился на ноги, тут же подскочил вверх, и раскинув руки поймал падающего Чанькуня Чжуоюя в воздухе. Он сделал поворот, чтобы смягчить удар, но в итоге остался стоять среди разрушенных камней и выжженной земли, держа на руках человека, который только что, несмотря на всё своё безумие, в очередной раз спас его.

— Ты в порядке? — быстро спросил он, хватаясь за запястье, пытаясь найти пульс, но руки дрожали, и он не мог сосредоточиться, голос его дрогнул от тревоги.

Чанькунь Чжуоюй моргнул, длинные ресницы его дрогнули, отбрасывая тени, словно веера, и эти тени коснулись самого сердца Ли Синлуна, будто что-то древнее проснулось внутри.

— Всё в порядке, — сказал он легко, почти весело. — Это не я принимал божественную силу. Это был меч.

И в этот момент деревянный клинок, всё ещё торчавший в скале, наконец не выдержал, раздался сухой треск, и он раскололся на множество щепок. Божественная сила вокруг них постепенно утихла, возвращаясь в своё обычное, скрытое состояние.

— Расчёт оказался неточным, — произнёс Чанькунь Чжуоюй, спрыгивая из рук Ли Синлуна и вставая на ноги с невозмутимым видом. — Я планировал достичь верхнего предела барьера, чтобы расколоть его хотя бы на мгновение — даже малейшая щель позволила бы обычной энергии неба и земли проникнуть внутрь. Этого хватило бы, чтобы мы выбрались.

— Тогда почему ты не сделал этого? — Ли Синлунь слегка нахмурился. То, что он только что видел, пробудило в нём надежду и сразу погасило её. Любой на его месте почувствовал бы разочарование.

— Потому что, — ответил Чанькунь Чжуоюй совершенно серьёзно, — такой человек, как я, не может покинуть долину так тихо. Я должен одним ударом рассечь гору, одним движением разрушить барьер и взлететь к небесам. Именно в этот момент наверху должна бушевать великая битва, в которой мои верные последователи, терпят поражение в моё отсутствие. И тогда, в самый драматический миг, когда всё кажется потерянным, мой внезапный приход заставит одного из них воскликнуть моё истинное имя. И от этих слов я вспомню всё - свою силу, своё прошлое, свою судьбу. Я укажу мечом на небо, сокрушу врагов одного за другим, прогоню их прочь и выведу тебя на свободу.

Ли Синлунь: ...

Этот тон абсолютной уверенности, будто он описывает не фантазию, а заранее написанную судьбу, оставил его совершенно без слов.

— Ах, — вздохнул Чанькунь Чжуоюй, глядя в небо с подлинным сожалением. — Какая жалость. Похоже, я всё ещё не обладаю силой, чтобы одним ударом рассечь небеса.

— Не «похоже», — ровно ответил Ли Синлунь. — Ты действительно не обладаешь. У меня к тебе всего лишь один вопрос, не слишком ли ты часто в прошлой жизни часто слушал сказителей? Вся эта сцена, которую ты описал, звучит как история из чайного домика.

— Э? — Чанькунь Чжуоюй задумался. — А может, я и был тайным мастером, скрывавшимся под видом сказителя в городе?

Ли Синлунь: ...

Если у тебя ещё осталась сила, давай попробуем снова, — сказал он, стараясь не впасть в отчаяние. — Но на этот раз не стремись разделять горы и реки. Просто проделай маленькую щель в барьере. Мы протиснемся и этого будет достаточно.

— Без проблем! — воскликнул Чанькунь Чжуоюй, уже бегущий за новой ветвью, чтобы снова вырезать меч. — Жди, скоро ты будешь звать меня Учителем!

Ли Синлунь машинально коснулся груди там, где прятал свой кинжал. Его не было. Он снова исчез. Чанькунь Чжуоюй украл его.

СНОВА.

Когда он успел это повернуть на этот раз?!

<http://bllate.org/book/14629/1297982>